

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

Формирование антропоцентрической парадигмы научного знания привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека как языковой личности. В рамках антропоцентрического языкознания основным ориентиром выступает сложившаяся в современной лингвистике теория языковой личности, а стимулом к формированию этой теории стало осознание приоритетности личностного начала в языке.

Развиваясь в русле антропоцентрических тенденций, лингвистика текста восходит своими корнями к античной риторике, основным понятием которой является *образ ратора*. В современной лингвистике *образ ратора* соотносится с категорией *языковая личность*. Рассмотрение различных аспектов данной антропоцентрической проблемы было представлено в исследованиях В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, И.Я. Чернухиной и других ученых.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать связь наиболее важных текстовых категорий — *образа автора* и *субъективной модальности*, которые отражают мировосприятие и мироощущение языковой личности.

Понятие *образ автора* предложено и обстоятельно разработано академиком В.В. Виноградовым. Образ автора в его трактовке — «... это индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [3, с. 151-152]. Исходя из виноградовского определения, можно утверждать, что образ автора объективно присутствует в художественном тексте вне зависимости от воли автора.

Необходимо заметить, что не все исследователи художественного текста безоговорочно принимают понятие образ автора. Например, М.М. Бахтин в своих работах, посвященных поэтике, предлагает использовать термины авторское сознание, авторская позиция. В отличие от В.В. Виноградова, который понятие образа автора рассматривал в тесной взаимосвязи с особенностями отбора и использования языковых средств писателем, М.М. Бахтин рассматривал авторскую точку зрения как отношение автора к своим героям [1, с. 276].

Современные подходы к изучению художественного текста, связанные с фигурой говорящего, соотносятся, с одной стороны, с идеями М.М. Бахтина, а с другой стороны, — с виноградовским пониманием образа автора.

И. Бехта, взяв за основу понятие образа автора В.В. Виноградова, выделяет в художественном тексте образ нарратора. «Терміни наратор, повістяр та образ автора, а інколи просто автор використовуються в науковій літературі

як синоніми. Саме наратор є тим суб'єктом свідомості, який безпосередньо втілений у тексті і з яким має справу читач» [2, с. 214].

А.Т. Гулак, уточняя термин *образ автора*, предлагает использовать его в качестве исследовательской категории «как комплекс следующих отношений: 1) отношение к субъекту повествования; 2) отношение к изображаемому миру; 3) отношение к читателю; 4) отношение к канонизированному художественной традицией образу автора; 5) отношение к стилистическим средствам и приемам организации повествования» [5, с. 12].

Новые подходы к категории образа автора появились в связи с возрастающим интересом к языковой личности, «стоящей» за текстом. И чем выше языковая компетенция конкретной языковой личности, тем лучше осознается ею цель, последовательность, выбираемых операций при продуцировании текста, тем эффективнее вербальные структуры выражают передаваемую информацию. Преднамеренное использование автором языковых и речевых средств при создании текста свидетельствует об особенностях его когнитивного стиля.

Средством самораскрытия языковой личности служит категория *субъективной модальности*. Субъективность как принцип изображения мира через восприятие писателя, субъективное авторское видение, на наш взгляд, наиболее полно раскрывается в языковой реализации именно данной текстовой категории.

Под модальностью художественного текста (*субъективной модальностью*) мы понимаем оценочное отношение автора к изображаемому персонажу, распространяющееся на текстовые фрагменты, в которых обнаруживается присутствие автора, и проявляющееся с помощью художественно-образной конкретизации (термин М.Н. Кожинной).

Рассмотрим на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», как реализуется индивидуально-авторское отношение к персонажам посредством создания портретов и интерьеров жилищ персонажей.

Творческий почерк писателя отличает то, что он особым образом использует в одном контексте и трансформирует разноуровневые языковые (фонетические, лексические и грамматические) и художественно-образительные (тропы) средства, а также элементы текста для выражения субъективной модальности в комплексной художественно-образной конкретизации.

Поэма «Мертвые души» как сатирическое произведение репрезентирует модальные отношения посредством комического изображения (иронии, юмора, гротеска, пародии, сатиры). Показатели субъективной модальности в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» являются одновременно и средствами выражения комического.

Подчеркнутая субъективная модальность ощущается в особом видении изображаемого мира, а именно в сатирическом характере обрисовки героев, который достигается при помощи различных повторов языковых и

лингвостилистических средств.

Логично предположить, что в основе взаимодействия языковых единиц и тропов лежит порождающий механизм, заданный онтологической моделью семантических преобразований. Именно художественно-образная конкретизация дает возможность работать данному механизму, вовлекая в описание различные языковые средства, поскольку она создается намеренно.

В художественно-образной речевой конкретизации встречаются различные сочетания средств реализации субъективной модальности. Наиболее часто у Н.В. Гоголя в рамках одного описания сочетаются сравнения, эпитеты, вводные конструкции, отрицательные частицы, суффиксы-модификаты, фразеологизмы и иные средства. Такое комплексное использование языковых средств и стилистических приемов прослеживается во всех типах комических описаний: единичном, сдвоенном и групповом портрете, интерьере и синкретичном контекстном описании портрета и интерьера.

В приведенном ниже групповом портрете художественно-образная конкретизация включает языковые единицы (частицы *не* и *ни*; вводную конструкцию), художественно-речевые (эпитеты, афоризм) и текстовые (деталь) элементы: «*Лица у них были **полные и круглые**, на иных даже были бородавки, кое-кто был и **рябоват**, волос они на голове **не** носили **ни** хохлами, **ни** буклями, **ни** на манер «**черт меня побери**», как говорят французы, волосы у них были или низко **подстрижены**, или **прилизаны**, а черты лица **больше закругленные и крепкие**» [4, с. 15]. Рисуя групповой портрет чиновников, писатель пытается его обобщить и наделить своих героев такими чертами, которые в конечном счете создают комический эффект.*

Описывая внешность героя и интерьер его жилища, автор рисует внутренний мир, психологию персонажа, при этом передавая и свое личностное отношение к нему. Например: «*Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися **ни** в зиму, **ни** в лето, отец, больной человек, в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах, надетых на босую ногу, беспрестанно вздыхавший, ходя по комнате, и плевавший в стоявшую в углу песочницу, вечное сиденье на лавке, с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах...*» [4, с. 235]. В таком описании человек становится частью интерьера, и в этом проявляется комизм. Автор, создавая портрет отца Чичикова и интерьер его жилища, не сочувствует своему персонажу, и даже суффикс *-еньк-*, который используется в описании, имеет в данном случае скорее всего не уменьшительно-ласкательное значение, а пренебрежительно-уменьшительное.

Большую часть описательных фрагментов составляют описания, сочетающие различные речевые средства, что позволяет многогранно и неожиданно раскрыть образ персонажа. Портрет одного из главных действующих лиц создается за счет сочетания в одном контексте образных средств языка и приема использования «чужого» слова: «*Здесь Ноздрев захохотал тем звонким смехом, каким заливается только **свежий, здоровый***

человек, у которого все до последнего выказываются белые, как сахар, зубы, дрожат, прыгают щеки, и сосед за дверями, в третьей комнате, вскидывается со сна, вытаращив очи и произнося: “Эк его разобрало!”» [4, с. 69] Автор вводит в художественно-образную конкретизацию эпитеты *свежий, здоровый*, которые в приведенном контексте становятся синонимами, а также сравнение *белые, как сахар, зубы*, которое в комбинации с сочетанием *все до последнего выказываются* усиливает экспрессию иронического описания. В сочетании *дрожат, прыгают щеки* глагол *прыгать* метафорически расширяет значение. Глагол *дрожать* недостаточен в данном контексте, поэтому автором использован глагол *прыгать*, передающий интенсивность и резкость движения. Также в данном контексте содержится и описание несуществующего персонажа, которое вводится писателем как фон, на котором четче выделяется описываемый персонаж. Смех Ноздрева был настолько звонким, что от него мог проснуться сосед за третьей дверью. Портрет этого предполагаемого соседа описан с помощью разговорного выражения *вытаращив очи*, что и усиливает комизм контекста. Субъективная модальность акцентируется также за счет соединения просторечного слова *вытаращив* с высоко-поэтическим *очи*. «Чужое» слово (*Эк его разобрало!*), взятое из разговорной речи и поставленное в сильную позицию – конец предложения, эмоционально подытоживает созданное описание.

Это в очередной раз подтверждает высказывание Н.А. Дмитриевой: «Если условно принять разделение писателей по их творческому почерку на объективных и субъективных (разумеется, оно имеет смысл лишь в определенных пределах, а в данном случае – в пределах частной проблемы изобразительности), то Гоголь, как и Данте, принадлежит ко вторым» [6, с. 36]. Это не мешает писателю создавать объективно значимые образы, то есть раскрывать объективную правду жизни через призму своих, авторских переживаний и ассоциаций. В одних описательных контекстах звучит ироническая насмешка или намек писателя, в других – болезненный смех «сквозь слезы», в третьих – язвительный смех, в четвертых описательных контекстах — смех бичующий. Это личностное, субъективное отношение к описываемому персонажу и его жилищу (субъективная модальность) является одним из способов выражения комического, проявляющегося в различной степени: иронии, юморе, гротеске, пародии, сатире. За счет использования форм комического на первый план выдвигаются критикуемые слабости героя.

Положительные качества отрицательных персонажей Н.В. Гоголем не разрабатываются, так как это лишило бы их характеры комизма, поэтому и такие чувства, как симпатия, любование, сострадание, не проявляются в данных субъективных описаниях.

Комплексное использование языковых средств в одном описательном контексте позволяет автору «Мертвых душ» представить в портретной галерее данного произведения так много живых, неповторимых лиц и характеров. В этом и проявляется особый тип художественного, индивидуального мышления

писателя.

Благодаря художественно-образной речевой конкретизации «... слово-понятие «переводится» в слово-образ (художественный), становится выражением новых, созданных творческим воображением ... индивидуально-неповторимых ... художественных образов ..., пропущенных через эстетическую оценку писателя» [7, с. 92].

Сосредоточение комплекса стилистических приемов в одном описательном контексте, во-первых, выделяет его как мини-текст с повышенной экспрессивностью, а во-вторых, демонстрирует индивидуально-стилистическое своеобразие художественного метода Н.В. Гоголя как языковой личности.

Учитывая то, что в самой структуре художественного текста усматривается определенный угол зрения писателя, определенная система авторских оценок, которые и составляют содержание такой текстовой категории текста, как *субъективная модальность*, данная категория считается базовой, основополагающей текстовой категорией, задающей специфику остальных текстовых категорий.

Понятие текстовой модальности тесно связано с понятием субъективации, которое акцентирует субъективные авторские смыслы и трансформирует их посредством языка.

Субъективный подход автора к использованию каждой языковой единицы в художественном тексте, на наш взгляд, отражает индивидуальную языковую картину мира писателя и передает отношение его к изображаемому.

Таким образом, наметившееся в лингвистике рассмотрение категории модальности в антропоцентрическом направлении является последовательным продолжением развития учения В.В. Виноградова об *образе автора*. Поэтому в нашем понимании *субъективная модальность* является одной из важнейших составляющих *образа автора*.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.
2. Бехта І. Дискурс наратора в англomовній прозі / І. Бехта. — Київ : Громада, 2004. — 328 с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. — М. : Высш. шк., 1971, — 240 с.
4. Гоголь Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь. — М., 1959. — Т.5. — (Полн. Собр. Соч. в 6 т. / Н.В. Гоголь — Т. 5. — 575 с.)
5. Гулак А.Т. О стилистике русской художественной прозы: Избранные статьи. / А.Т. Гулак. — Киев: Українське видавництво, 2007. — 214 с.
6. Дмитриева Н.А. Изображение и слово / Н.А. Дмитриева. — М.: Иск-во, 1962. — 314 с.
7. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте

функциональной стилистики / М.Н. Кожина. — Пермь, 1966.— 213 с.

Аннотация

Категория субъективной модальности рассматривается как антропоцентрическая характеристика текста. Анализ теоретических аспектов засвидетельствовал важную роль субъективной модальности как одной из составляющих образа автора в формировании комических описательных контекстов. В качестве ведущего средства реализации субъективной модальности представлена комплексная художественно-образная конкретизация, которая «наполняется» текстообразующими, языковыми и речевыми элементами и экспрессивно выделяет описательный контекст из художественного текста.

Ключевые слова: субъективная модальность, образ автора, комический описательный контекст, комплексная художественно-образная конкретизация.

Анотація

Категорія суб'єктивної модальності розглядається як антропоцентрична характеристика тексту. Аналіз теоретичних аспектів свідчить про важливу роль суб'єктивної модальності як складової образу автора у формуванні комічних описових контекстів. Особлива увага приділяється головному засобу реалізації суб'єктивної модальності — комплексній художньо-образній конкретизації, що «наповнюється» елементами тексту, мовними та мовленнєвими одиницями й експресивно виокремлює описовий контекст з художнього тексту.

Ключові слова: суб'єктивна модальність, образ автора, комічний описовий контекст, комплексна художньо-образна конкретизація.

Summary

The category of subjective modality is viewed as one of the anthropocentric text characteristics. The analysis of the theoretical aspects certified to the great significance of subjective modality as one of the author's image components in forming comic descriptive contexts. The use of linguistic means belonging to different language levels, such as text elements, language and speech units, to express subjective modality in the complex artistic-imagery concretization is considered in the research. It expressively singles out a descriptive context from the text of fiction.

Key words: subjective modality, author's image, comic descriptive context, complex artistic-imagery concretization.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати Быковой Ириной Алимджановной, кандидатом филологических наук, профессором, заведующей кафедрой восточных языков ХНПУ им. Г.С. Сковороды.